

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ БРОДВЕЯ ВЕРОЙ ЗУБАРЕВОЙ. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ПОГРАНИЧНОСТИ В РЕЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТА-ЭМИГРАНТА

Broadway Carnivalization by Vera Zubareva. To the Question
about the Phenomenon of Borderness in the Reception
of the Modern Emigrant Poet

Светлана Александровна Фокина
svetlana_fokina@ukr.net

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
(Одесса, Украина)

Svetlana A. Fokina
svetlana_fokina@ukr.net

I. I. Mechnikov Odessa National University (Odessa, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 29.04.2022

Fecha de evaluación: 14.10.2022

Cuadernos de Rusística Española n° 18 (2022), 115 - 127

РЕЗЮМЕ

В данной статье исследовательские стратегии определены вниманием к феномену современного русского поэта-эмигранта и соответственно экспликации в творчестве фактора пограничности. Предложена модель изучения пограничности через показатели карнавализации при филологическом анализе произведений современных русских поэтов-эмигрантов. В качестве примера реализации такой модели избрано бродвейское стихотворение Веры Зубаревой. Рассмотрены показатели укорененности поэтического сознания В. Зубаревой в родную культуру, а также аллюзии русской литературы, проявленные в анализируемом стихотворении. В художественной интерпретации В. Зубаревой карнавализация является показателем пограничности бродвейского топоса и авторского эмигрантского сознания. Осмыслено включение в лирический сюжет В. Зубаревой наравне с реалиями Нью-Йорка и их карнавализацией значимых реминисценций из русской классики. В создаваемой панораме современного Бродвея в ходе исследования выявлена преемственная связь В. Зубаревой с творческим наследием Гоголя, Достоевского, Булгакова.

Ключевые слова: Бродвей, пограничность, карнавализация, эмиграция, Вера Зубарева.

ABSTRACT

In this article research strategies are determined by attention to the phenomenon of the modern Russian emigrant poet and explication in the work of the borderline factor. A model has been proposed for studying borderness through carnivalization indicators when studying the works of modern Russian emigrant poets. As an example of the implementation of such a model was chosen the Broadway's poem by Vera Zubareva. The indicators are considered of the rootedness of poetic consciousness by V. Zubareva into the native culture and allusions of Russian literature shown in the analyzed poem. Carnivalization is an indicator of the borderness of Broadway topos and emigrant author's consciousness in the artistic interpretation by V. Zubareva. It is meaningful to include in the lyrical plot along with the realities of New York and their carnivalization of significant reminiscence from Russian classics. In the panorama of modern Broadway created the study revealed the acceptance by V. Zubareva of the creative heritage of Gogol, Dostoevsky, Bulgakov.

Keywords: Broadway, borderness, carnivalization, emigration, Vera Zubareva.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Для филологии, а шире и гуманитаристики в целом, на данном этапе представляет большой интерес разработка различных направлений эмигрантологии. Данные научные поиски включают изучение специфики эмиграционных процессов, уточнение их периодизации (от зарождения до сегодняшнего момента), вычленение знаковых имен. Пристальное внимание уделяется феномену русской эмиграции. Особое значение имеют анализ и интерпретация достижений в области литературы современных представителей русской эмигрантской линии, чьи творческие поиски осуществляются уже в XXI веке.

В рамках данной статьи выбор вектора аналитики обусловлен вниманием к фактору пограничности, определяющему статус и мировосприятие поэта-эмигранта. На данном этапе развития филологической мысли явна необходимость ввести в исследовательский обиход до сих пор не изученные тексты современных русских поэтов-эмигрантов. Несомненной представляется важность выявления степени укорененности сегодняшней интеллектуальной диаспоры в родную культуру и непосредственно взаимосвязь с наследием русской литературы. Изучение проявлений лиминальности в современной эмигрантской картине мира дает возможность на данном материале осмыслить специфику пограничной идентичности и соответствующего поэтического сознания. Все вышеперечисленные факторы способствуют актуальности данного исследования.

Методологию данной статьи определили научные разработки эмигрантологов, поиск которых обращен к осмыслению пограничности сознания интеллектуала-эмигранта (Л. Бугаева, И. Каспэ, О. Демидова, О. Матич, М. Рубенс, М. Глостанова и др.). Специфику различных валентностей карнавала как лиминального топоса прояснили идеи ряда ученых (М. Бахтина, А. Гуревича, Ж.-Ф. Жаккара, В. Колязина, Р. Кайуа, Р. Лахманн, К. Г. Юнга и др.).

Новизну научного поиска, осуществляемого автором данной статьи, определяет идея рассмотрения переходности эмигрантского сознания через показатели трансгрессивного характера карнавала. Кроме того, включение в исследовательское поле поэтических текстов Веры Зубаревой как авторской модели мира обладает высокой степенью новаторства и перспективности для изучения. Ведь при доброжелательном внимании критики к зубаревскому творчеству анализ отдельных ее стихотворений практически не представлен.

УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ ЭМИГРАНТОЛОГИИ

Пограничность положения поэта-эмигранта заключается в определенной переходности его социального статуса и трансгрессивности сознания. Гибридность интеллектуальной сферы эмигранта определяется глубиной ориентированностью на родную культуру и в то же время диалог с культурным универсумом новой страны проживания. О. Матич утверждает, что «с точки зрения теории остранения изгнанничество можно представить как состояние неустойчивого равновесия, при котором неизбежные потери компенсируются открытием новых ракурсов» (Матич

1996: 160). При этом, по наблюдениям И. Минеевой, «благодаря эмиграции происходит процесс диффузии мировых культур...» (Минеева 2013: 40) и увеличивается распространение своей культуры эмигрантами в месте пребывания. Экзистенциальный опыт эмигранта определяет в семиотическом плане преодоление границ и стремление к переходу, реализуя так свою трансгрессивность.

Современные процессы глобализации, по наблюдениям М. Тлостановой, актуализируют «границы, миграции, полилингвильность, культурную многосоставность, раскрывая возможности смешанных, “нечистых” форм социокультурных взаимодействий...» (Тлостанова 2004: 232) и тем самым порождая феномены переходности и транскультурного начала. Подобное расширение эпистемологических рамок и представление об их потенциальной подвижности включает тенденции транскulturации и эмиграционный менталитет в единую экзистенциально-смысловую парадигму.

Ключевые концепты понятийного аппарата эмигрантологии: изгнание, беженство, эмиграция, зарубежье, диаспора. Порядок расположения доминант данного семантического поля обусловлен двумя смысловыми полюсами, соответственно указывающими как на интенсивность ностальгии, так и на ощущение оторванности. При этом ряд ученых предлагает рассматривать вышеназванные категории в качестве синонимов. И. Каспэ утверждает, что «слово “эмиграция” способно приобретать различные смысловые оттенки <...> и отсылает ко множеству других терминов» (Каспэ 2005: 26). В данном эмиграционном синонимическом ряду проявлены коды: статуса эмигранта, нахождения в позиции пограничья, степени самоощущения трансгрессии.

Эмиграционная переходность соотносима с фактором пределов «как в метафизическом, так и в географическом понимании с учетом всех последующих (геополитического, социального, психологического, эстетического, повседневного) профилей этой проблемы» (Корчинский 2007). Подходы, реализованные в различных эмигрантологических исследованиях, центрирует идея поливалентного рассмотрения границ и «многообразия современных практик существования» (Корчинский 2007) в ситуации пограничности.

Эмиграция, будучи трансгрессивной по своей сути, определяет переходность сознания личности. По наблюдению Л. Бугаевой, из-за изменения места жительства и необходимости «перехода в новую идентичность», эмиграция, «исполняя роль травмы», задает для автора «творческую тематику в посттравматический период» (Бугаева 2010: 15). Такой тематической призмой может выступать инвариантный мотив странствий, координируемый значениями: вечного поиска, изгнания, утраты и обретения, движений души, духовного пути. Но возможна и принципиально иная стратегия — включение в свой авторский миф поэтом-эмигрантом значимых топонимов страны, ставшей новым местом жительства.

О. Демидова в атропологическом типе *homo emigranticus* акцентирует объединение типологических и архетипических черт, общих для всех изгнанников. Так «формирование на протяжении древней и новой истории типы эмигрантов образуют достаточно широкую парадигму» (Демидова 2015: 75). Данным парадигматическим элементам свойственны «как общие для всех типов характеристики, так и черты, отличающие <...> от всех остальных» (Демидова 2015: 75). Показательно наличие

в каждом эмигранте некоего самобытного и нетипичного начала, определяемого влиянием разных эпох и периодов, обстоятельств эмиграции, своеобразия психосферы конкретной личности.

Среди наиболее современных эмигрантологических поисков представляет интерес концептуальный сборник статей «Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы» под редакцией М. Рубенс. Исследовательские стратегии в вышеназванном издании показательны акцентированием роли диаспоры, определившей взгляд на эмиграционные процессы в рамках своеобразной семиотики сдвига и переосмысления «многих социально-антропологических нарративов» (Рубенс 2021: 4). Диаспора рассматривается в разных ракурсах, которые объединяет идея «диаспорического бытия» как форм индивидуальной и коллективной идентичности. Диаспорический критерий соответствует парадоксальному и в то же время самодостаточному социокультурному универсуму, задающему становление как мировоззренческой, так и эстетической призмы у литераторов-эмигрантов.

Среди объединяющих подходов в различных направлениях русской эмигрантологии следует выделить векторы изучения феномена *homo emigranticus* в XXI веке. Знаковый характер, несомненно, носят проблемы культурной идентичности, преемственности родной культуры в рамках интеллектуальной деятельности эмигрантов, лиминальности статуса и трансгрессивности эмигрантского сознания.

Для сегодняшнего развития эмигрантологии новаторским представляется подход, ориентированный на поиск эквивалентных пограничности реалий культуры, активно актуализируемых в творчестве поэтов-эмигрантов XXI века. Топос карнавала может стать той исследовательской доминантой, которая будет способствовать выявлению показателей трансгрессивности сознания поэтов-эмигрантов. Определяющим критерием для идентификации кодов карнавальности является факт того, что «между игрой-зрелищем и жизнью <...> нет резкой границы: одно переходит в другое» (Бахтин 2008: 262). Перспективным при изучении произведений современных русских поэтов-эмигрантов представляется взгляд на пограничность через показатели карнавализации.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ТЕКСТ В ЛИРИКЕ В. ЗУБАРЕВОЙ

Вера Зубарева — яркий представитель современной русской поэтической диспоры, обладающий даром самобытного и точного слова. Для исследовательской оптики представляет интерес внутренний диалог с русской классикой, осуществляемый В. Зубаревой при последовательном и частотном обращении к одесской и американской топонимике. Так «лирику В. Зубаревой отличает внимание к семиосфере сегодняшнего места жительства, к примеру, к топографии Нью-Йорка» (Фокина 2021 б: 165) и зачастую нью-йоркские топонимы в зубаревских лирических сюжетах включаются в систему координат русской литературы. В. Зубарева создает две контрмодели. С одной стороны, в зубаревском творчестве развернута довольно широкая панорама нью-йоркского текста в цикле «Тень города», где ностальгический дискурс активно проявляется на аллюзивном уровне. Другая модель представляет идиллический

хронотоп одесского текста, также весьма активно создаваемого В. Зубаревой. При разветвленности одесской топонимики в зубаревской лирике, стоит, прежде всего, выделить «одесский» цикл «Между Омегой, Альфой и Одессой». Одесса как родной город поэтессы-эмигранта получает характеристики не только покинутого города детства, но и своеобразного варианта мифологической Аркадии.

Нью-йоркский текст Веры Зубаревой представлен в книге стихов «Тень города, или Эм цэ в круге» в разделе «Час пик». В. Зубарева четко ограничивает свой ракурс нью-йоркской темы, фиксируя поэтическую точку зрения на Манхэттене. По наблюдению Д. Чкония, Нью-Йорк «в образной системе Зубаревой предстает в облике угрюмого города-призрака, города-Пилата» (Чкония 2016: 9). Для прочтения поэзии В. Зубаревой необходимо учитывать проявления ностальгического дискурса, реализующего «метафору пересечения границ и иммиграции» (Бойм 2019: 38). Дискурс ностальгии во многом показателен как для русской поэтической эмиграции в целом, так и значим в зубаревской интерпретации, касаясь, в первую очередь, обращенности именно к культуре.

Весь подраздел «Час пик», который вполне мог бы прочитываться как циклическое единство и стихотворения которого в другом издании действительно образуют цикл «Тень города», изобилует отсылками и реминисценциями из русской литературы. В стихотворении «Город кишит ночными привычками...» напрямую упоминаются Чацкий, старуха-процентщица, дядя Ваня: — *В такую погоду хорошо повеситься... — / Бормочет дядя Ваня на ломаном русском.* Включены в текст также и знаковые герои европейских литератур — Гамлет и Фауст: *Город неснящих, свихнувшихся гамлетов, / Фаустов, чацких, старух-процентщиц.* Упоминание героев русской литературы можно расценивать как некую типологию русских эмигрантов в Нью-Йорке. В данном плане показателен пласт «ностальгической» зубаревской лирики, в свою очередь способствующий моделированию эмигрантского взгляда на мир. Так в зубаревской интерпретации «жизнь эмигранта <...> представляется в виде вечного пути, который имеет множество направлений, что соотносимо с трикстерским варьированием жизненной темы» (Фокина 2021а: 519). Продолжая намеченную линию, Гамлет и Фауст символизируют пограничность сознания и тему театра в шекспировской и гётевской рецепциях. Кроме того, русская литература, помимо ряда знаковых переводов, в частности пастернаковских, изобилует гамлетовскими и фаустианскими реминисценциями, которые не менее привлекательны и для В. Зубаревой.

Бродвейский сегмент нью-йоркского зубаревского текста наиболее проникнут духом ностальгии, понимаемой как «внутреннее потрясение, связанное с особым феноменом памяти» (Старобинский 2016: 256). При этом анализируемое стихотворение реализует стихию карнавальности. Подобное взаимодополнение ностальгических и карнавальных кодов обуславливает непосредственно зубаревское видение Бродвея:

Час пик накатывает на Бродвей.
Яблоко солнца с червяком самолета в срезе
Плавит мобильники у шизофреников в голове,
Вызывая перебои в сервисе.

Каждый разговаривает сам с собой.
Спутник-стукач все разносит поспешно.
Монологи, звучащие наперебой,
Складываются в диалог городских сумасшедших.

Костюмы движутся по направлению к метро.
Мыши со звоном бросаются врассыпную.
Их потерятое серебро
Боязливо закатывается под стулья.

Салфетка парусника пересекает канал.
Огрызок солнца уносится водами.
Рестораны ожили. Где-то маяк заикался,
И аист откликнулся:
— Кушать подано!

«Нью-йоркское» стихотворение В. Зубаревой «Час пик накатывает на Бродвей...» не лишено и древнеримских мотивов. Атмосфера фантазмагоричности современного супермегаполиса Нью-Йорка, отличающая упомянутый поэтический текст В. Зубаревой, включает в свою орбиту знаковые древнеримские коды «граду и миру» (*urbi et orbi*). Римские коннотации расширяют смысловое поле зубаревского лирического сюжета. Тема мировой имперской столицы, горожане, алчущие хлеба и зрелищ, город, превращенный в театральные подмостки, нарастающее сатурнальное празднество с предчувствием гибельности, вполне созвучны духу Древнеримского мира.

Ностальгический дискурс наравне с кодами карнавальности центрирует зубаревский лирический сюжет. Бродвейская экстаичность семиотически эквивалентна духу фольклорного смеха, который «особенно расцветал в народно-праздничных формах» (Бахтин 2008: 44). Спектакль в театральном Бродвее одновременно уподоблен античным мистериям и средневековому карнавалу: действие начинает разворачиваться именно на улице. Согласно Р. Кайуа, возможность рассматривать «современный карнавал как угасающее эхо античных празднеств типа сатурналий» (Кайуа 2003: 240) открывает перспективу перехода между профанным и сакральным. Вышеперечисленные факторы определяют характер театрализации атмосферы Бродвея не только в профессиональном ключе, но и в виде основ бытия. Полифоничность современного Нью-Йорка, отражающая безумие мира и города, обыгрывается в стихотворении как градация карнавальности от празднества до шизофренического рассеивания (*монологи, звучащие на перебой*). Подобный хаос являет расширение границ между традиционно не совместимым. Поэтический текст фиксирует трансгрессию сознания жителя современного мегаполиса с его характерными приметами: мобильной связью, сообщениями в твиттере (*Спутник-стукач все разносит поспешно*), погруженностью в виртуальную реальность.

ФАУСТИАНСКИЕ КОННОТАЦИИ ЗУБАРЕВСКОГО ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

Эмигрантское мировосприятие знаменует пересечение границ, знаком которого в зубаревской интерпретации становится Фауст. По мысли П. Слотердайка, «фаустовская идеология содержит в себе восстание против границ...» (Слотердайт 2010: 808). В поэтическом решении В. Зубаревой бродвейский сюжет эксплицирует трикстерское начало, дух трансформаций и метаморфоз. Разворачивающийся спектакль границ: социальных (общественный сабвей, театры, вмещающие разную публику, элитный *Сток клуб*), ментальных (коренные нью-йоркцы / эмигранты), семиотических. Такая карнавализация, обретающая характер спектакля, переходящего в мистику, подразумевает неминуемое смещение границ, даже обрушение. Фаустианские коннотации усиливаются благодаря меланхолической окрашенности стихотворения, адекватной ностальгическому дискурсу. По наблюдениям Ж. Старобинского, легенда о Фаусте актуализирует принцип того, что «черные пары, рождаемые меланхолией, — любимое место пребывания лукавого» (Старобинский 2016: 591). В стихотворении В. Зубаревой Новый свет озарен закатом как некоей квинтэссенцией ночной жизни театрального Нью-Йорка. Подобный ход метаморфоз согласуется с традицией «прибегать к приемам театрализации зла...» (Колязин 2002: 2). В зубаревском стихотворении, непрестанно изменяя свой облик и формы, лицедействует сам город.

Упоминание *спутника-стукача*, может подразумевать не только твиттер, но и аллюзивно отсылать к образу Мефистофеля — спутника Фауста, вместе представляющих «вечных “будоражителей” <...> прогресса» (Якушева 2005: 191). Актуализируя фаустианский план, прямо ни Фауста, ни Мефистофеля не упоминая, ностальгический дискурс В. Зубаревой модифицирует семиосферу Бродвея. Зубаревская тема метаморфоз притягивает фаустианские аллюзии, что усиливается драматической формой поэмы И. В. Гете и различными знаковыми превращениями в «Фаусте», соответствуя бродвейской театральности и даже мистике. Мефистофелевские мотивы подкрепляются ассоциативными сцеплениями со следующими тематическими комплексами: яблоко из эдемского сада, змей-искуситель, городские сумасшедшие. Лирический сюжет стихотворения, затрагивая фаустианский пласт, ассоциативно отсылает к его интерпретации русской классикой, в частности Ф. Достоевским и М. Булгаковым.

БЕСТИАРНЫЕ КОДЫ В БРОДВЕЙСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ В. ЗУБАРЕВОЙ

Для бродвейского текста активизация бестиарных кодов высвечивает и уже упомянутые метаморфозы, а шире и трикстерскую составляющую как городского топоса, так и эмигрантского сознания. По замечанию К. Г. Юнга, «трикстер — предвестник спасителя. Он одновременно и сверхчеловек, и недочеловек, животное и божественное бытие...» (Юнг 1996: 347). Проявленная трикстерская ипостась города, превращающегося на уровне метафоры в червя в яблоке заката, мышей, которые «со звоном бросаются врассыпную», а в конечном итоге в аиста, произносящего знаковую как для театра, так и для ресторанов фразу: *Кушать подано!*

Акцентирование вышеотмеченной бестиарности не только передает карнавальную экспрессию и эксплицирует тему метаморфоз, но представляется авторским кодом к прочтению подтекста. По мнению В. Китика, в поэтическом дискурсе В. Зубаревой «человек — это еще и носитель образа Творца, и его высшее творение» (Китик 2021: 233). Метаморфозы, которые довольно частотны в зубаревском творчестве, проявляющиеся в виде превращения в животных, низводя «лицо человеческое до зверского» (Китик 2021: 233), неизменно передают трагическое звучание авторского слова. В бродвейском стихотворении заявленная трагичность передает эсхатологическую тональность и ностальгирование по человеческой духовности.

Показателен и вид животных, включающихся в городскую мистерию Бродвея. Червь маркирует демоническое начало, актуализируя смысловой комплекс, связанный с образом змия из Эдемского сада. Мышь, традиционно посвященная богу солнца Аполлону, символически может отсылать к образу музы. По наблюдению В. Топорова, «как и Музы, мыши, по распространенному варианту мифопоэтической традиции, — дети Неба, конкретнее, Бога-Громовержца и Матери-земли» (Топоров 1977: 52). Характерно, что мыши в стихотворении В. Зубаревой разбегаются стайкой, что может травестийно обыгрывать хоровод муз. Учитывая контекст современной урбанистической культуры и непосредственно стихотворения, образ мыши отсылает также к компьютерной тематике. Мышь — символ американской поп-культуры, достаточно вспомнить Микки Мауса. Значима и аллюзия романа «Цветы для Эдджернона» Д. Киза, где Эдджернон — подопытная мышь. В то же время мышь в архетипическом аспекте воплощает и негативный план болезни и забвения. Тема забвения приобретает особый оттенок, если вспомнить о роли Нью-Йорка как города эмигрантов.

В то же время В. Зубарева выстраивает антитезу демонизации, заменяя хтонических, так или иначе связанных с разрушением червя и мышей, аистом. Внешне концовка стихотворения парадоксальна: *И аист откликнулся: / — Кушать подано!* В театральной традиции фраза «Кушать подано» стала знаком роли статиста. Аист, предстающий в образе статиста и официанта, трансформирует традиционную символику птицы.

По наблюдению Дж. Тресиддера, еще в Древней Греции аисты соотносились с покровительством детей и материнства, изображались «убивающими змей» (Тресиддер 2001: 9). В христианстве аист символизирует «чистоту, благочестие и воскрешение» (Тресиддер 2001: 9). Театральная фраза *Кушать подано*, взаимодействуя со скрытым мистериальным характером бродвейского топоса, актуализирует христианские коды: причащение Христовой плотью. Сакрализация эмблематики меняет ход лирического сюжета и задает темы надежды, спасителя и возможности возрождения. В стихотворении В. Зубаревой поэтизация способствует возвращению метафорического плана лирического сюжета в мифологическое измерение. Так образ аиста, отсылающий к истории легендарного бродвейского элитного *Stork Club* — «Клуба аистов», подразумевает христианскую символику и непосредственно ипостась Христа, на семиотическом уровне перевода профанный смысл в область сакрального.

РЕЦЕНЗИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ ПОЭТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ В. ЗУБАРЕВОЙ

Зубаревский ностальгический дискурс проявляется на аллюзивном уровне, обыгрывая реминисценции из русской литературы, столь дорогой для автора стихотворения. Упоминание мышей (*Их потерятое серебро / Боязливо закатывается под стулья*) включается в стихию театрализации пространства Бродвея, задавая неожиданные отсылки к русской классике. По свидетельству швейцарского слависта Ж. Ф. Жаккара, театральные эксперименты в духе русского раннего авангарда «нашли наиболее эффективное воплощение в “Ревизоре”, премьера которого произошла 28 марта 1927 года» (Жаккар 1995: 203). В данной постановке на сцену выносились и ставились перед Хлестаковым двенадцать стульев, реализуя его приглашение визитеров сесть, а «... во время перерыва были выпущены белые мыши, чтобы вызвать панику у публики» (Жаккар 1995: 204). Мышь, традиционно символизирующая ущерб, в том числе и мнемонический, актуализирует культурный пласт генетической памяти, в данном случае, обращенной к русской классике.

Но в контексте творчества В. Зубаревой наиболее представляет интерес отсылка к роману «Идиот» Ф. Достоевского и образу князя Мышкина. По наблюдению самой Веры Зубаревой, сделанном в теоретической статье, «в литературе квази-слабый потенциал присущ многим “ущербным” героям Достоевского, таким, как, к примеру, князь Мышкин. Сочетание имени и фамилии героя — Лев Мышкин — символизирует сочетание слабого единичного (мышонка) и мощного целого (лев). Последнее у Достоевского связано с духовным, а не мирским» (Зубарева 2012: 426). Упоминание автором стихотворения князя Мышкина как «квази-слабого» героя акцентирует его пограничность, соотносимую на метафорическом уровне с семиотическим статусом эмигранта.

Эпилепсия князя Мышкина может выступать на уровне подтекста в качестве реализации темы метаморфоз, переносимых на город. По наблюдению Р. Лахманн, описание Ф. Достоевским «психосоматического состояния эпилептика Мышкина вскрывает замкнутую, непостижимую область душевных и физиологических переживаний и ощущений» (Лахманн 2006: 144). Закатный час в Нью-Йорке, обозначенный в стихотворении как «час пик», окрашивает город — крупнейший мировой мегаполис, а шире и мир, в эсхатологические тона. Характерно, что семантически фиксируется некая катастрофичность и неизбежность: *Час пик накатывает на Бродвей*, подобно эпилептическому припадку, переживаемому героями Ф. Достоевского. Демонизация нью-йоркского хронотопа создает эквивалент мрака, в который погружается князь Мышкин во время припадка, обыгрывая на символическом уровне сошествие Христа в ад.

В бродвейском тексте В. Зубарева обращается к классическому наследию, проникнутому духом театрализации, карнавальности, трагичности, инфернализации пространства и скрытого или же явного повествования о Христе. В данном плане наиболее показательны зубаревские реминисценции из «Идиота» и «Мастера и Маргариты» — знаковых романов, формирующих в русской культуре общее смысловое поле. Булгаковед Г. Ребель утверждает, что «“мениппейная” природа творчества Булгакова» позволяет «перебросить мост от Булгакова к Достоевскому»

(Ребель 2012: 309). Для позднего булгаковского творчества значим художественный опыт Ф. Достоевского, что особенно проявлено в романе «Мастер и Маргарита». Так М. Булгаков «с учетом Мышкина и героя Ренана реконструирует образ Иисуса в его земной, человеческой, первичной ипостаси...» (Ребель 2012: 318). Такая преемственность в литературном усвоении вполне закономерна и также актуализируется в поэтическом тексте В. Зубаревой. В бродвейском стихотворении на уровне подтекста аллюзия князя Мышкина перекодируется и в другие образы, связанные с Христом и знаковые для русской литературы — булгаковскими Иешуа и Мастером.

Мотивный ряд зубаревского лирического сюжета создает впечатление реминисценций из «Мастера и Маргариты». Булгаковский роман, как и зубаревское бродвейское стихотворение, начинается с фиксации закатного часа: *Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Перебои в сервисе* вполне соответствуют тоске, охватившей сердца Берлиоза и Бездомного перед встречей с нечистой силой. Образ *спутника-стукача* трансформировано обыгрывает сцену знакомства Воланда с писателями и их подозрения его в шпионаже. *Монологи, звучащие наперебой* вполне соотносимы со спором о Христе Бездомного и Берлиоза с иностранным профессором. Тема шизофрении напрямую отсылает к сюжетной линии Ивана Бездомного, чья фамилия также напоминает самоощущение людей в зубаревском тексте. Микротема *Костюмы движутся по направлению к метро* семантически, нивелируя человеческое, ассоциативно воссоздают историю гибели Берлиоза, попавшего под трамвай. *Потертое серебро* обыгрывает тему Иуды и его 30 серебряников. Аист, как уже отмечалось, символически связан с образом Христа.

В решении ресторанной темы, подразумевающей и евхаристию, в стихотворении В. Зубаревой также проявлены аллюзии булгаковского романа: пирушки литераторов в Грибоедове и гибель ресторана в огне. В «Мастере и Маргарите», по наблюдению Ю. Щеглова, «применен мотив пожара в функции 'конца' ('гибель дурных мест')» (Щеглов 2013: 648). В лирическом сюжете В. Зубаревой пожар обозначен символически как закат и явление Манхэттенхэндж. Ресторанная тема (*огрызок солнца, рестораны ожили*) поливалентна и включает помимо евхаристии различные смыслы: пира, потребления, разгула, праздника. Поглощение пищи на архетипическом уровне и согласно традициям мистерий подразумевает сохранение или же утрату памяти, а также евхаристию. В Средневековье — времени формирования основных черт духа карнавальности, «окончание поста, масленица, завершение сбора урожая сопровождалось пирами...» (Гуревич 2003: 360). Пир со своей избыточностью связан с трансгрессивными процессами и традиционно знаменует завершение цикла природного, социального, магического, включая функцию единства в противовес ощущению разобщенности. Показательно зубаревское объединение тем еды и памяти как в карнавальном ключе, так и в эмблематическом для эмигрантской идентичности.

ВЫВОДЫ

В анализируемом стихотворении В. Зубаревой карнавализация является показателем пограничности бродвейского топоса и личной сферы автора как поэта-эмигранта. Сопричастием через символическую евхаристию предстают в зубаревском поэтическом тексте традиции русской литературы, упрочивая преемственную связь с творческими традициями Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Булгакова. Воссоздаваемые в лирическом сюжете реалии Нью-Йорка и их карнавализация интерпретируются в авторском мифе В. Зубаревой через подтексты и реминисценции из русской классики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАХТИН, М. М. (2008). Франсуа Рабле в истории реализма. В: *Собр. соч. в 7 т.* Т. 4. Москва: Языки славянских культур, с. 11–601.
- БОЙМ, С. (2019). *Будущее ностальгии*. Москва: НЛЮ.
- БУГАЕВА, Л. (2010). *Литература и rite de passage*. Санкт-Петербург: Петрополис.
- ГУРЕВИЧ, А. (2003). Пир. В: *Словарь средневековой культуры*. Москва: РОССПЭН, с. 359–360.
- ДЕМИДОВА, О. (2015). Эмиграция как проблема философии культуры. *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*, 3 (2), с. 74–81.
- ЖАККАР, Ж.-Ф. (1995). *Даниил Хармс и конец русского авангарда*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- ЗУБАРЕВА, В. (2012). Проблемы жанра в свете системного подхода: чеховская комедия — комедия нового типа. В сб.: *Серебряный век: диалог культур*. Одесса, с. 416–428.
- КАСПЭ, И. (2005). *Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы*. Москва: НЛЮ.
- КАЙУА, Р. (2003). *Миф и человек. Человек и сакральное*. Москва: ОГИ.
- КИТИК, В. (2021). А потом — тьма — формула обратного движения. *Нева*, 1, с. 232–234.
- КОЛЯЗИН, В. (2002). *От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья*. Москва: Наука.
- ЛАХМАНН, Р. (2006). “Истерический дискурс” Достоевского. В кн.: *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика*. Москва: Новое издательство, с. 135–155.
- МАТИЧ, О. (1996). Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции). *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 2 (2), с. 158–179.
- МИНБЕВА, И. (2013). Феномен эмиграции в русской культуре XX–XXI вв.: генезис, семантика, интерпретации. В кн.: *Русское зарубежье и славянский мир*. Белград: Славистское общество Сербии, с. 40–49.
- РЕБЕЛЬ, Г. (2012). Булгаков и Достоевский: к вопросу о художественной преемственности. В сб.: *Дергаческие чтения — 2011*. Т. 1, с. 306–321.
- РУБЕНС, М. (2021). Невыносимая легкость диаспорического бытия. Модальности письма и чтения экстерриториальных нарративов. В кн.: *Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)*. Москва: НЛЮ.

- СЛОТЕРДАЙК, П. (2010). *Сферы. Плюральная сферология*. Ч. 3: *Пена*. Санкт-Петербург: Наука.
- СТАРОБИНСКИЙ, Ж. (2016). *Чернила меланхолии*. Москва: НЛО.
- ГЛОСТАНОВА, М. (2004). *Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации*. Москва: Эдиториал УРСС.
- ТОПОРОВ, В. Н. (1977). Моїсаи “Музы”: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада). В сб.: *Славянское и балканское языкознание*. Москва: Наука, с. 28–86.
- ТРЕСИДДЕР, Д. (2001). *Словарь символов*. Москва: Фаир-пресс.
- ФОКИНА, С. (2021а). Дискурсивные контексты образа Одиссея-ностальгика. *Slavia orientalis*. 3 (LXX), с. 507–521.
- ФОКИНА, С. (2021б). Семiosфера Бродвея в ностальгическом дискурсе Веры Зубаревой. *Baltic Journal of Legal and Social Sciences*. 2, с. 164–170.
- ЧКОНИЯ, Д. (2016). «К морским глубинам тянется душа»: предисловие. В кн.: *Зубарева В. Тень города, или Эм це в круге: стихи и поэмы разных лет*. Idyllwild: Charles Schlacks. с. 7–11.
- ЩЕГЛОВ, Ю. (2013). О горячих точках литературного сюжета: мотивы пожара и огня у Булгакова и других. В кн.: *Избранные труды*. Москва: РГГУ, с. 612–649.
- ЮНГ, К. Г. (1996). *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев: ГБУЮ.
- ЯКУШЕВА, Г. (2005). *Фауст в искушениях XX века. Гётевский образ в русской и зарубежной литературе*. Москва: Наука.

BIBLIOGRAPHY

- ВАНТИН, М. М. (2008). Fransua Rable v istorii realizma. V: *Sobr. soch. v 7 t.* Vol. 4. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, pp. 11–601.
- ВОЖМ, S. (2019). *Budushhee nostalgii*. Moskva: NLO.
- BUGAEVA, L. (2010). *Literatura i rite de passage*. Sankt-Peterburg: Petropolis.
- ЧКОНИЯ, D. (2016). «K morskim glubinam tjanetsja dusha»: predislovie. V kn.: *Zubareva V. Ten' goroda, ili Jem ce v krugе: stihy i pojemy raznyh let*. Idyllwild: Charles Schlacks. pp. 7–11.
- DEMIDOVA, O. (2015). Jemigracija kak problema filosofii kul'tury. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. 3(2), pp. 74–81.
- FOKINA, S. (2021a). Diskursivnye konteksty obraza Odisejeja-nostal'gika. *Slavia orientalis*. 3 (LXX), pp. 507–521.
- FOKINA, S. (2021b). Semiosfera Brodveja v nostalgicheskom diskurse Very Zubarevoj. *Baltic Journal of Legal and Social Sciences*. 2021. 2, pp. 164–170.
- ГУРЕВИЧ, А. (2003): Pir. V: *Slovar' srednevekovoj kul'tury*. Moskva: ROSSPJeN, pp. 359–360.
- ЯКУШЕВА, G. (2005). *Faust v iskushenijah XX veka. Gjotevskij obraz v russkoj i zaru-bezhnoj literature*. Moskva: Nauka.
- ЮНГ, K. G. (1996). *Dusha i mif: shest' arhetipov*. Kiev: GBUJU.
- КАСПЕ, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury*. Moskva: NLO.

- КАЖУА, R. (2003). *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe*. Moskva: OGI.
- KITIK, V. (2021). A potom — t'ma — formula obratnogo dvizhenija. *Neva*, 1, pp. 232–234.
- KOLJAZIN, V. (2002). Ot misterii k karnavalu: Teatral'nost' nemeckoj religioznoj i ploshhadnoj sceny rannego i pozdnego srednevekov'ja. Moskva: Nauka.
- LAHMANN, R. (2006). “Istericheskij diskurs” Dostoevskogo. V kn.: *Russkaja literatura i medicina: Telo, prepisanija, social'naja praktika*. Moskva: Novoe izdatel'stvo, pp. 135–155.
- MATICH, O. (1996). Diaspora kak ostranenie (russkaja literatura v jemigracii). *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury*, 2 (2), pp. 158–179.
- MINEEVA, I. (2013). Fenomen jemigracii v russkoj kul'ture XX–XXI vv.: genesis, semantika, interpretacii. *Russkoe zarubezh'e i slavjanskij mir*. Belgrad: Slavistskoe obshhestvo Srbije, pp. 40–49.
- REBEL', G. (2012). Bulgakov i Dostoevskij: k voprosu o hudozhestvennoj preemstvennosti. V sb.: *Dergačeskie čtenija — 2011*. Vol. 1, pp. 306–321.
- RUBENS, M. (2021). Nevynosimaja legkost' diasporičeskogo bytija. Modal'nosti pis'ma i čtenija jeksterritorial'nyh narrativov. V kn.: *Vek diasporj: Traektorii zarubezhnoj russkoj literatury (1920–2020)*. Moskva: NLO.
- SHHEGLOV, JU. (2013). O gorjachih točkah literaturnogo sjuzheta: motivy požhara i ognja u Bulgakova i drugih. V kn.: *Izbrannye trudy*. Moskva: RGGU, pp. 612–649.
- SLOTERDAJK, P. (2010). *Sfery. Pljural'naja sferologija*. Vol. 3. Sankt-Peterburg: Nauka.
- STAROBINSKIJ, ZH. (2016). *Chernila melanholii*. Moskva: NLO.
- TLOSTANOVA, M. (2004). *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Postsovetskaja literatura i jestetika transkul'turacii*. Moskva: Jeditorial URSS.
- TOPOROV, V. N. (1977). Μοῦσα “Muzy”: soobraženija ob imeni i predystorii obraza (k ocenke frakij'skogo vklada). V sb.: *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie*. Moskva: Nauka, pp. 28–86.
- TRESIDDER, D. (2001). *Slovar' simbolov*. Moskva: Fair-press.
- ZHAKKAR, ZH.-F. (1995). *Daniil Harms i konec russkogo avangarda*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij projekt.
- ZUBAREVA, V. (2012). Problemy zhanra v svete sistemnogo podhoda: chehovskaja komedija — komedija novogo tipa. V sb.: *Serebrjanyj vek: dialog kul'tur*. Odessa, pp. 416–428.